

Ю. СОЗОНОВА
А. ГРАНД

Няня по контракту
БЫВШИЕ

Алекса Гранд

Бывшие. Няня по контракту

«Автор»

«Автор»

2025

Гранд А.

Бывшие. Няня по контракту / А. Гранд — «Автор», «Автор»,
2025

"Мне нужна твоя помощь, Василина. Я компенсирую все твои неудобства. Покрою транспортные расходы. Буду платить тебе в два, в три раза больше, чем в клинике, если ты примешь мое предложение". С такими словами Артём Холодов врывается в мою жизнь. Когда-то он сломал меня, и я поклялась не иметь с ним ничего общего. Но теперь его дочери нужна помощь, и я не знаю, как поступить. Отказать и корить себя за то, что оставила малышку в беде? Или согласиться и каждый день иметь дело с призраками прошлого?

© Гранд А., 2025

© Автор, 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	22
Глава 8	26
Глава 9	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алекса Гранд

БЫВШИЕ. Няня по контракту

Глава 1

Лина, тогда

– Линка, а ты часом не беременна? – спрашивает Натка, когда мы заваливаемся в крохотную гримёрку на обеденный перерыв, и выразительно косится на ломтик солёного огурца, зажатый в моей руке. – Ты же их терпеть не можешь.

– Не мели чушь, Афанасьева. Сплюнь!

Отмахнувшись от нелепого предположения, я нетерпеливо вытаскиваю из пакета горячую еду и так же торопливо набрасываюсь на фастфуд, ведь нам нужно вернуться на сцену через каких-то пятнадцать минут.

Сегодня вечером в клубе, где мы с подругой подрабатываем на подтанцовке, состоится премьера нового шоу, и управляющая гоняет нас с самого утра. Кричит, что все мы бездарности, и безбожно придирается к связкам, как будто не она сама их ставила.

Так что к двум часам с нас сходит все семь потов, а желудок скручивается в узел. Поэтому сейчас я готова съесть и слона, и двойной гамбургер, и даже Наташкину порцию картошки фри, и присутствие огурца меня никак не смущает – так проголодалась.

Ноги предательски дрожат после нагрузки, да и с выносливостью последние несколько дней какая-то беда. Но я списываю истощение ресурса на то, что вторую неделю сплю по три-четыре часа в сутки и разрываюсь между универом и работой.

С понедельника по четверг обслуживаю клиентов и вытираю за ними столы в придорожной кафешке, а в пятницу и субботу собираю сальные взгляды подвыпивших парней здесь – в «Анхе».

– Афанасьева! Ланская! Сколько можно жрать?! Почему вы до сих пор не на сцене?!

Хриплый прокуренный голос нашей мегеры, Архангельской Инги Константиновны, вырывает меня из омута мыслей о нищете, из которой я никак не могу выкарабкаться, и буквально подбрасывает вверх. Вынуждая уничтожать улики – пустые стаканчики из-под кока-колы, коробки от бургеров и упаковки от сырного соуса.

Ведь если Архангельская увидит, чем мы с Наткой набиваем животы, обязательно откроет нам головы.

– Уже летим, Инга Константиновна!

Кричу я в приоткрытую дверь и первой выметаюсь из каморки, взмывая по лестнице на небольшой деревянный помост, чтобы занять свое место – крайнее справа в первой линии.

А дальше всё идет по накатанной. Прогон за прогоном. Пот градом. Тремор в немеющих мышцах. И усиленные микрофоном звучные оскорбления.

– Неуклюжие коровы! Жирные клячи! Выше ногу, Афанасьева! Выше! Ланская, сделай нормальный прогиб в спине! И улыбки! Где, мать вашу, улыбки?! От ваших постных физиономий все посетители разбегутся!

После жестокого марафона в гримёрку мы вползаем едва ли бодрее поднятых из могилы зомби. Хватаем полотенца и выстраиваемся друг за другом в коридоре, ведь душевых кабинок всего две. Только вот я не дожидаясь своей очереди. Чьи-то чересчур сладкие тяжёлые духи щекочут ноздри, оседают липким слоем на нёбе и вынуждают меня бежать в сторону туалета.

Секунда. Другая. Третья.

Я падаю на колени перед унитазом и едва не вскрикиваю от болезненного рвотного спазма, прощаясь с содержимым желудка. Рвёт меня долго и сильно – так, что конечности начинают каменеть, а перед глазами темнеет.

Теряю счет времени. И продолжаю сидеть на холодном кафеле, вяло отмахиваясь от пытающихся меня поднять рук.

– Беременна всё-таки.

Сокрушенно роняет знакомый голос. Пронизывается ко мне сквозь затуманенное сознание. И раскалывает надвое мою жалкую Вселенную.

– Н-н-не может быть...

Хриплю так, будто надорвала связки к чертям. Медленно выпрямляюсь. И словно в анабиозе бреду к раковине, чтобы открыть воду и сунуть под ледяные струи гудящую голову.

– Когда у тебя месячные были в последний раз? – режет меня без ножа Натка, и я принимаюсь лихорадочно отщёлкивать дни.

– Восьмого, нет, пятого числа прошлого месяца, – крупные холодные капли стекают по моим щекам, а я всё никак не могу поверить в подобный исход. – Да как так-то? Мы же всего раз без защиты...

– Знаешь, кто отец?

– Зна-а-аю.

Лепечу уязвимо и громко всхлипываю, готовясь поддаться неконтролируемой истерике, но Афанасьева впивается пальцами в мои предплечья и жёстко меня встряхивает.

– Соберись! Потом поревём. Час до премьеры.

Как ни странно, её хлёсткие слова мгновенно меня отрезвляют и действуют куда лучше ледяного душа. Я умываюсь, избавляясь от жутких чёрных разводов, растрёпываю влажные волосы и иду наносить макияж, чтобы ни единая душа ничего не заметила.

На удивление, твёрдой рукой рисую стрелки. Растушевываю чёрные тени по векам. И очерчиваю контур губ ярко-красным карандашом. После чего влезаю в блестящее платье, украшенное россыпью страз, и критически оцениваю собственное отражение.

Конечно, срок ещё маленький, чтобы хоть что-то было заметно. Серебряная ткань облегает плоский живот и все остальные изгибы и не оставляет ровным счётом никакого простора фантазии.

– Плевать! Прорвёмся.

Бросаю зеркалу и бегу занимать свое место среди таких же разукрашенных девчонок в коротких платьях. Слушаю, как умело раззадоривает публику наша Архангельская, всхожу на помост и слепну от вспышек софитов, бьющих по глазам.

Отставляю кокетливо ножку. Закрываю лицо ладонью. И постепенно привыкаю к яркому освещению, замирая в ожидании мелодии. Только вот охватывающее меня волнение превышает все допустимые нормы, а сердце норовит раздробить грудную клетку, стоит мне наткнуться взглядом на знакомую фигуру.

За столиком в первом ряду среди мажоров, богатеньких золотых деток, сидит тот, кому я подарила не только свою девственность, но и себя. Без остатка.

– Артём.

Выстанываю хрипло и спотыкаюсь, теряя ориентацию в пространстве...

Глава 2

Лина, тогда

Я падаю на колени, сдирая нежную кожу о дощатый пол. Конечно же, по закону подлости рву колготки и обливаюсь холодным потом, предвкушая выволочку от Архангельской.

Время растягивается в грёбанную вечность, как будто кто-то поставил его на паузу. Застывают все, кроме нас с Холодовым.

Непроницаемые глаза Артёма цвета осеннего хмурого неба поливают меня ледяным пренебрежением, отчего колючая изморозь покрывает внутренности.

Не могу понять, что я ему сделала плохого? Чем разочаровала? Убила кого-то? Украла? Или совершила какое другое преступление, которое заставляет его смотреть на меня, как на ничтожество?

Не знаю.

– Ну же, Лина, вставай!

Командую, злясь на себя, и пытаюсь задвинуть тревогу подальше. Может, я чересчур накрутила, и всё это игры моей больной фантазии? Или Холодов бесится из-за короткого платья, едва прикрывающего бёдра? Или вызывающего макияжа, который превращает меня в легкодоступную девицу? Или ему не нравится то, что я отказалась уйти из клуба и «верчу задницей» перед подвыпившей толпой?

Мысли сталкиваются в голове и зудят, как самый настоящий пчелиный рой. Но я отбрасываю их и сосредоточиваюсь, обещая себе разобраться во всём позже. Вливаюсь в общую канву танца и не порчу рисунка.

– Ай! Катит чёрный кадиллак. В нём играет «Платина». Я в нём не с тобой. Я в нём от тебя. Как тебе меня терять?

Доносится из колонок, и я каждой клеткой своего немеющего тела чувствую, как пропасть между нами с Артёмом ширится.

Сидящая рядом с ним блондинка с таким же глубоким декольте, как у меня, подцепляет длинными пальцами его подбородок и жадно впивается в его приоткрытые губы. Поцелуй длится до неприличия долго так, что мне кажется – проходит целый век.

Его руки жадно обхватывают её за талию и требовательно сминают ткань тугого бордового платья, а мне в грудь будто вонзается острый нож. Кровоточащее сердце на долю мгновения останавливается, и я верю, что оно прекратит свой бег.

Но ничего такого не происходит. Алая жидкость всё так же течёт по венам. А я на автомате продолжаю двигаться, хоть медленно умираю внутри.

Финальный аккорд молотом бьёт по натянутым нервам, и я первой скатываюсь со сцены и скольжу по проходу, избегая столкновения с официантами. Мне надо догнать поднявшегося из-за стола и устремившегося к табличке «exit» Холодова. Мне надо сказать. Надо спросить...

– Артём!

Отмахиваясь от чьих-то настырных рук, я окликаю широкую мощную спину, но Холодов не притормаживает и не оборачивается. Зато его друг, высокий блондин с серёжкой в левом ухе и едкой кривой ухмылкой преграждает мне путь, заполняя собой всё пространство.

– Чё ты от него хочешь? Отвянь. Иди обратно на сцену. Задирай там ноги, вытрясай у толстосумов бабки, а про Тёмыча забудь.

Сказанные им слова оглушают, будто парень опустил мне на голову пыльный мешок с мукой. Едкая кислота затапливает грудь и выжигает всё до костей.

Я будто бы слышу это омерзительное шипение наяву. И не сразу убеждаю себя в том, что фантомные картинки не имеют ничего общего с действительностью.

И, пока я перевариваю всю эту грязь, которую на меня вылили, группка мажоров вымется из клуба, видимо, ставя самому заведению и нашему выступлению отметку «ниже среднего».

– Линка, горяшко, ты что творишь? Переодеваться бегом. До следующего выхода пять минут!

Это Натка выводит меня из транса, в котором я пребываю. На буксире тащит мою тушку в раздевалку, торопливо стаскивает с меня платье и помогает надеть короткие развратные шорты.

Собирает мои длинные волосы в высокий хвост. Подкрашивает губы помадой, потому что я умудрилась её съесть, и так же заботливо выталкивает на сцену.

Закрывает собой, когда Архангельская грозно отчитывает всех нас в гримёрке и обещает лишить премии, если хотя бы один из гостей оставит плохой отзыв. И ведёт меня за руку к такси, как беспомощного младенца.

– Сегодня домой не поедешь. Нельзя тебе туда в таком виде. У меня переночуешь.

Заявляет Афанасьева безапелляционно, за что я ей благодарна до самой Луны и обратно. Сейчас я не способна вообще ни на что. Ни соображать, но ворочать разбухшим языком, ни принимать судьбоносных решений. Так что её шефство представляется благодатью небес.

По пути к однушке, которую она снимает на окраине города, мы заскакиваем в аптеку и в круглосуточный гипермаркет. Покупаем продукты на несколько дней вперёд, расплачиваемся с шофером и поднимаемся на третий этаж, вваливаясь в маленький тесный коридор, увешанные пакетами.

Окружающие меня предметы отчего-то расплываются, и я хватаюсь рукой за стенку, чтобы не рухнуть вниз. Похоже на неудавшийся разговор с Холодовым ушли последние силы.

– Лежи так. Не двигайся. Чая тебе принесу. И чего-нибудь поесть.

– Не надо, Наташ. Я не хочу.

Пытаюсь отказаться, но Афанасьева меряет меня строгим взглядом, укладывает на диван, подтыкает плед, чтобы не свисал, и уносится на кухню, начиная греметь там посудой.

Возвращается спустя десять минут с кружкой и заботливо её придерживает, пока я пью. Гладит невесомо мой лоб, на котором выступает испарина, и смотрит с таким ласковым сочувствием, что у меня начинает щипать в носу, и слёзы подкатывают к горлу.

А потом, когда я с трудом запикиваю в себя бутерброд, провожает в ванную, чтобы я смогла сделать там тест.

– Твою ж мать, – выдыхаю обречённо, когда третья по счету картонка показывает две ярких полоски, и отшвыриваю ее от себя, словно ядовитую змею.

Прижимаюсь к Натке и жалобно всхлипываю, до конца не осознавая, в какой заднице очутилась. Она же мягко водит ладонями по моей спине и тихо-тихо спрашивает.

– Что дальше делать-то будешь?

– К родителям Артёма завтра пойду. Мне кажется, они должны знать.

Глава 3

Лина, тогда

Идея поговорить с родственниками Холодова отдаёт откровенной драмой и смахивает на сюжет третьесортного сериала.

Но других у меня нет. Поэтому на следующий день я уже стою у ворот огромного частного дома. Переминаюсь с ноги на ногу, кутаюсь в старый, потрёпанный пуховик и чувствую себя как никогда чужой в этом идеальном мире.

Здесь ровные дорожки и вежливый до отвращения персонал. Дорогушие тачки и аккуратно подстриженный газон.

И что в этом царстве роскоши забыла девчонка из бедной семьи без гроша за душой – не понятно. Разве что детскую мечту о принце и сказку про первую любовь.

Эта девочка всё ещё верит в доброту и порядочность. И пока что не представляет, как больно бьются розовые очки стеклами внутрь.

Конечно же, дверь открывают не с первого и не со второго раза. Ворота отъезжают в сторону с характерным тихим щелчком, и я неловко ступаю вперед, ежась и оглядываясь по сторонам.

Шагая след в след за молчаливой безупречной во всем экономкой, я игнорирую её недовольный взгляд и мысленно готовлюсь к предстоящему разговору.

И всё равно оказываюсь разбитой и оглушённой, когда в ответ на робкое и тихое «Я беременна от вашего сына», слышу жёсткое и совершенно нелогичное:

– И что?

Сердце пропускает удар, желудок сжимают тиски. Я глотаю горькую слюну и давлю наступающее чувство тошноты. И впервые за все это время задаю себе тот же самый вопрос.

Действительно. И что?

Но вслух я его не повторяю. Только тихо шмыгаю носом и несу какую-то ерунду. Глотаю слова, сбиваюсь с мысли и совершенно не понимаю, что хочу донести до этих людей. И всё равно говорю.

– Мы с Артёмом... Мы любим друг друга, правда. Но он... Он не стал меня слушать, а я... Я не смогу. Одна... Одна не смогу. Моя семья, мы...

Моей откровенной смелости хватает на какие-то доли секунд, и я замолкаю под взглядом чужих пугающих глаз.

Холодов-старший медленно допивает кофе и смотрит на меня, как на что-то интересное. Какой-то диковинный предмет, совершенно ему бесполезный. И тянет губы в такой знакомой чуть надменной усмешке.

– Если вам нужны деньги на аборт, милочка... То вам не ко мне, а к моему сыну. Он мальчик уже большой, сам со своими проблемами разберётся.

Безразличные слова бьют не хуже пощечин. Резко, наотмашь и больно. Впиваются в кожу. Режут душу на мелкие куски.

Тошнота подкатывает к горлу, перед глазами всё плывет, но я сжимаю зубы и пытаюсь достучаться до единственного человека, который мог бы меня понять.

– Катерина Сергеевна, ну вы же понимаете, я же... Я...

– Нас дела сына не касаются, Василина. Уж прости, – сухо откликается мать Артёма и трусливо отводит взгляд. Всем своим видом она демонстрирует, что разговор окончен и вердикт пересмотру не подлежит.

Моя тошнота только усиливается, желудок сводит спазмом, и я судорожно глотаю вязкую слюну и вылетаю из этого холодного дома.

Пробегаю не глядя мимо по-прежнему слишком вежливой охраны и сгибаюсь под ближайшим кустом. Сплюываю на снег остатки пустого чая, что удалось влить в себя с утра, и вытираю горящее лицо пригоршней снега.

Тело дрожит, ноги слабеют, но я упрямо бреду до единственной остановки и уже там падаю на одинокую скамью. Закрываю глаза и тихо, беззвучно кричу, чувствуя, как рассыпается такой привычный и знакомый мир.

Как замок из песка на берегу безбрежного океана.

Помнишь, Артём, ты когда-то обещал меня туда отвезти? Или это были просто пустые слова?

Мысли крутятся в голове, как порядком заезженная пластинка. Легкий мороз пробирается под старенький пуховик и колет иголками кожу. В груди разливается тихая безнадёга, а в душе – стывшая пустота.

Хочется сбежать, спрятать голову в песок, как страус, и притвориться, что это всё – не я, не со мною, не с нами, но...

В кармане, в бумажной салфетке, лежит тот самый положительный тест. И две полоски на тонком кусочке картона красуются, как крест на моей обыденной жизни.

Они рушат всё, что есть и что будет, и я совершенно не представляю, что мне делать дальше. Знаю одно, в семье Холодовых нет места для меня, что уж говорить о моем ребёнке?

– Не думай, Лина. Не смей... привязываться, – слова сами слетают с языка. Звучат до непривычного безразлично и резко, но это всё, что я могу сейчас.

Я старательно заставляю себя думать о том, что внутри меня находится лишь набор клеток, лишь едва зарождающаяся жизнь, которой вряд ли удастся увидеть свет.

Я не смогу поднять его одна.

Это та самая реальность, в которую меня окунает с головой, да так, что впору захлебнуться. Но я упрямо барахтаюсь, в жалкой попытке выбраться на поверхность. Сама не понимая, что и кому я хочу доказать.

Из частного сектора до города меня подкидывает старенький автобус. Поездка в нём позволяет сосредоточиться на том, что важно сейчас. А именно – не вылететь с очередной подработки и закрыть все долги по учебе.

Эта мысль нехило прочищает мозги, и на какое-то время я выпадаю в реальность. Кручусь как белка в колесе, глотаю таблетки от тошноты и ем всё, что подвернется под руку.

Моё настроение меняется, как мозаика в детском калейдоскопе. Я могу смеяться, проваливаться в апатию и реветь. И всё это не то что за один день – за какой-то час.

Подобные качели я объясняю тем, что я всего лишь «не в ресурсе» и скоро всё наладится, но каждый день проходит, как день сурка.

И от осознания этого мне не становится легче.

Правда, даже здесь я нахожу положительный момент. В один из дней я вдруг просыпаюсь совершенно спокойной.

Глажу едва округлившийся живот и мимоходом думаю, что надо бы чуть похудеть. Привожу себя в порядок под вечные хвалебные оды сестре и мирно пью уже привычный травяной сбор с ромашкой.

Планирую сходить с Наташкой в торговый центр и устроить нам небольшой шопинг и даже впервые за долгое время смотрю на бутерброд из масла и сыра с долей голодного интереса. Беру один, делаю большой укус и...

– Сдаётся мне, кто-то залетел.

От мимоходом брошенного замечания я откровенно давлюсь и задыхаюсь от внезапного кашля. Смотрю на мать круглыми от удивления и страха глазами и снова, чисто машинально кладу ладонь на живот.

И только сумев перевести дух, хрипло выдыхаю в ответ:

– Да ну, ты чего, мам? От святого духа, что ли?

Родительница лишь снисходительно хмыкает, мол, кому ты пытаешься врать. А меня пробивает до дрожи и внезапно вернувшейся тошноты.

Я быстро дожёвываю свой нехитрый завтрак и сбегая от укора в её глазах к себе. Закрываю дверь, хватаю телефон и сползаю прямо на пол. Календарь безжалостно отсчитывает даты и меня откровенно срывает.

Я смеюсь и плачу, вытираю пальцами слезы и снова тихо отчаянно ржу. Потому что попытка сбежать от проблем не удалась. Она, если быть до конца честной, была обречена на провал с самого начала.

И теперь простой математический подсчёт и рандомно открытый в браузере сайт сухо утверждают – всё, что тебя осталось Ланская, это рожать.

Аборт делать уже нельзя. Легально и без вреда для здоровья – нельзя.

Пальцы живут собственной жизнью. Я не откликаюсь на зов, не слышу стука в дверь и набираю по памяти давно удаленный номер. Слушаю бесконечные гудки и нервно кусаю пальцы. Сердце бьётся о рёбра в робкой надежде, но там, на том конце телефона я слышу чужой сонный голос и тут же обрываю звонок.

Бросаю в сторону телефон, сжимаюсь в комок и застываю. Чувствую, как ломается что-то внутри, окончательно и бесповоротно. Словно я всё ещё надеялась на то, что всё это ошибка. Что Артём придёт и заберёт меня из этого ада, но всё оказалось напрасным.

Но трубку вместо Артёма поднимает какая-то незнакомка, и это бьёт под дых куда больнее, чем могло показаться. Отрезвляет и возвращает на брэнную землю.

И я снова тихо безрадостно смеюсь, качая головой, и впервые не знаю, что мне делать дальше. Рожать? Искать того, кто сделает аборт за деньги? Что?

– Что мне делать, а?!

Вопрос остаётся без ответа, да и не нужен мне он.

Собрав себя по кусочкам, я вытираю текущие по лицу слёзы и принимаю единственное возможное решение. Открываю дверь и с минуту просто смотрю на невозмутимое лицо собственной матери.

Пытаюсь понять, то ли ей это не интересно, то ли просто плевать на меня, но в конце концов хрипло тяну.

– Запиши меня к гинекологу. Срочно.

К чести матери, она не задает лишних вопросов. На удивление понимающе хмыкает и хлопает меня по плечу, после чего уходит сделать звонок. А я хватаюсь побелевшими пальцами за дверной косяк и закрываю глаза, отчаянно повторяю как мантру.

– Это правильно, Лина. Ты поступаешь правильно, не смей жалеть об этом.

И так – по кругу.

Но чёртов аутотренинг не срабатывает от слова «ни черта». Где-то глубоко в душе зреет понимание – я пожалею. Потом, много лет спустя, я пойму, что совершила ошибку, и буду изводить себя этим. Но это будет не сейчас.

Это я тоже понимаю прекрасно.

Глава 4

Артём, сейчас

– И что? Неужели ничего нельзя сделать?

Я в тысячный раз повторяю вопрос, от которого меня начинает тошнить, и отстранённо раскачиваюсь в кресле.

Вперёд – назад. Вперёд – назад.

Несчастливая кожаная спинка жалобно скрипит, а мой голос звучит устало и безэмоционально. Мне не больно, не страшно, не обидно – мне насрать. Даже если речь идёт о жизни моего ребёнка. Я тупо выгорел и устал реагировать на внешний мир. Тем более, что...

Криво усмехнувшись, я гляжу на суетливого старичка-доктора и безуспешно пытаюсь вспомнить. Какой там по счёту это психолог? Пятый, десятый? И все, сука, как заведённые твердят одно и то же – ваш ребёнок никогда не восстановится, никогда не сможет говорить. И знаете, что?

Я катастрофически задолбался слушать этот грёбанный лейт-мотив неудачи. До мерзкого тремора. До зуда на кончиках пальцев. До рези под ребрами. До...

– Понимаете, Артём Сергеевич, – как будто прочитав все, что написано у меня на лбу, профессор Ленский промокает лысеющий затылок платком и сочувственно вздыхает. – У вас замечательная девочка. Её развитие соответствует возрасту, у неё прекрасные коммуникативные навыки и жажда знаний...

Всё это, в качестве подачи, мне кидали в лицо уже сотню раз. Надоело.

– Слушайте, док.

Оборвав специалиста на полуслове, я невольно морщусь и явственно ощущаю, как скука медленно, но верно перерастает в злость.

В глухую усталую чёрную ненависть. Когда плевать, кто перед тобой. Неважно насколько этот человек старше или сколько он имеет регалий, ты просто хочешь вмять его физиономию в стену. Заставить его насладиться этим удушающим чувством беспомощности сполна.

Подышать. Как подышаешь ты. Час за часом. День за днём.

Интересно, если я сейчас встану, опрокину стол и разнесу весь этот стерильный помпезный кабинет, старичок словит инфаркт или нет?

Прокручиваю жестокие картинки в башке и ловлю себя на мысли, что Ленский определяет перепады моего настроения, как барометр – колебания давления. Именно поэтому он подаётся вперёд, нервно теребит в руках дорожный золотой Паркер и сипло откашливается.

– Да-да?

– Если у моей дочери всё так чудесно... Почему она до сих пор не говорит? – я шурюсь, расчленив в воображении очередного лекаря на составляющие. И даже цена его услуг, с энным количеством нулей не останавливает меня от банального желания послать его куда полальше. Потому что...

– Психика ребёнка вещь многогранная и сложная, она...

Да, вот именно поэтому. Потому что одни и те же оправдания, расплывчатые формулировки и пустые обещания давно стоят у меня поперёк горла.

Нет, мне не жалко денег. И не жаль потраченного времени. Ради своего славного серо-глазого солнца я готов и Луну с неба, и трамвай, и горы свернуть. Лишь бы был результат.

Хоть какой-нибудь, а?

Маленький проблеск надежды, который позволил бы мне воспрянуть духом и поверить сидящему напротив эскулапу. Но нет.

– Вашу мать, вас, что, этому где-то учат? – наконец, не выдержав, я рыкаю агрессивно и впериваю злой раздражённый взгляд в застывшего в нелепой позе профессора. – На курсах повышения квалификации, что ли?! Каждый чёртов раз я слышу пространные рассуждения о том, какой у меня замечательный ребёнок, какие у него перспективы и таланты. Но ни от одной скотины я так и не получил ответа на свои вопросы!

– Артём Сергеевич, понимаете, этимология заболевания нам неизвестна, и мы...

– Хватит!

Я ору так, что в шкафчике за стеклом у Ленского дребезжит посуда. Да и он сам подпрыгивает в кресле и съезживается. По той простой причине, что я с хрустом сжимаю кулаки и шумно выдавливаю из легких воздух.

Еще одна фраза, произнесённая таким снисходительно-заботливым тоном, и я сорвусь. Окончательно слечу с катушек и забуду на то, чем это может грозить мне в будущем. Позволю себе превратиться в ходячее пособие по психиатрии, сумасшедшего маньяка или кандидата на курсы по управлению гневом.

Как повезёт.

Прикидываю, какая из ипостасей мне ближе, и вдруг обнаруживаю, что доктор оказывается везунчиком.

Пока я скрупулезно визуализировал, как буду ломать ему сначала одну руку, затем вторую, и как потом засуну ему в задницу любимый золотой Паркер, чтобы лучше думалось, за моей спиной распаивается дверь и твёрдый ровный голос ломает надвое мою Вселенную.

Искра. Буря. Короткое замыкание.

– Станислав Евгеньевич, не уделите мне пару минут своего драгоценного времени?

Я замираю, крепко стискивая пальцами подлокотник кресла, и решаю, что попал в альтернативную реальность.

От небрежного, почти безразличного тона по всей моей спине, от затылка и до самых пяток, прокатывается волна приятной колючей дрожи и оседает в паху совершенно неуместным тягучим возбуждением.

Оно скручивает меня, выворачивает наизнанку и заставляет шумно таскать ноздрями кислород. Поэтому на мгновение я прикрываю глаза и пытаюсь понять, что здесь происходит. И по закону жанра, конечно же, терплю сокрушительную неудачу.

Единственное, что доходит до моего воспалённого мозга, так это то, что у меня стоит на совершенно незнакомую мне бабу, с хриплым мягким голосом. И что пахнет от неё тонкими нотами лайма и хвои.

Странное сочетание.

– Лина, милочка, вы что, не видите, я занят? – взвизгивается профессор Ленский, взирая на новое действующее лицо зло и недовольно, и, как по мановению волшебной палочки меняет роль жертвы на ампула тирана.

– Не вижу. И не Лина, А Василина Алексеевна. Так я могу войти?

Удивительно, но незнакомка не теряется.

Брошенная ей фраза звучит всё так же бесстрастно. Но я могу поклясться, что в ней есть нотка насмешливой издёвки и замаскированное превосходство. Поэтому я даже откидываюсь на спинку кресла, предвкушая, как нарисованный воображением сногшибательный портрет незнакомки разобьётся о камни суровой реальности.

Не может такой охрененный голос соответствовать внешней упаковке. Скорее всего, его обладательница уродина с огромной родинкой на подбородке. Или совершенно непримечательная мышь в застегнутом наглухо халате. Или вовсе сухощавая сморщенная старушка?

Вот так я рассуждаю, постукивая пальцами по подлокотнику. И лишь чудом не давлюсь язвительной репликой, готовой сорваться с языка, когда из-за моего плеча к столу Ленского подходит...

Какого хрена, а?!..

Глава 5

Лина, сейчас

«На вашем счету недостаточно средств для проведения данной операции. Пожалуйста, пополните счёт или обратитесь в ближайшее отделение банка».

Читаю надпись, всплывающую на экране банкомата, и беззвучно ругаюсь, с силой сжимая несчастный старенький смартфон в кулаке. Не до желаемого хруста тонкого пластика, конечно.

Но так, что белеют костяшки. И душная изнутри злость пополам с паникой, наконец-то, дают свободно вздохнуть.

Да, мне не пять лет, не пятнадцать и даже не восемнадцать. Да, у меня отличная работа, стабильный заработок и своя однушка в одном из спальных районов города. Но даже спустя столько лет я всё равно ощущаю этот кислый привкус беспомощности на языке и гнилостный запах помойки, въевшийся под кожу, появляющийся стоит чему-то выйти из-под контроля.

Особенно если это что-то касается моей финансовой стабильности.

– Так, Лина! Тебе ведь хватило одного раза оказаться в самой заднице мира и опуститься на дно социума? И ты совершенно точно не собираешься туда возвращаться, да?

И, пока я возвращаюсь в кабинет и по пути занимаюсь этим личным аутотренингом, что не раз выручал меня даже в самых безвыходных ситуациях, и неосознанно пытаюсь оттереть влажной салфеткой ненавистный амбре с пальцев, мозги встают на место и начинают работать.

Правда, промедление в моем случае смерти подобно. Оно стоит мне остывшего кофе из автомата в коридоре, изрисованной книги для чтения украденного степлера и хрустальной статуэтки-балерины, подаренной мне Олегом по возвращении из Праги.

Он мог привезти мне что угодно. Игрушку-крота из известного в девяностых всему миру мультфильма. Футболку из «Хард Рок Кафе» с баснословным ценником, о которой мечтает половина туристов. Или колечко с гранатом.

А выбрал изящную хрупкую танцовщицу. Сказал, что я на неё чем-то похожа.

Отмахиваюсь от некстати всплывающих воспоминаний и переключаю свое внимание на сидящую передо мной девушку. Размалёванную, словно новогодняя ёлка.

Сколько ей? Двадцать? Двадцать пять?

– Рекомендую вернуть то, что вы незаконно присвоили.

– Что?

Картинно хлопает достающими едва ли не до самых бровей ресницами девчонка, а я устало тру переносицу, мельком гляжу на листы личного дела и досадливо морщусь.

Ей всего девятнадцать.

И история у неё банальная. Как под штамповку отечественной мелодрамы.

Влюбились, залетели, расписались, разошлись как в море корабли. Денег нет, родня не помогает, бывший не просыхает, а сама она вся такая расчудесная тянет дитяtko в одиночку.

– Степлер. Статуэтка. Блокнот.

Моноotonно перечисляю отсутствующие на моем столе вещи и криво усмехаюсь, с облегчением чувствуя, как ко мне возвращается прежняя самоуверенность и стервозность.

Это они позволяют мне проигнорировать чужой плевок на пол и стойкий запах перегара, повисающий в воздухе. Единственное, что я делаю, так это мысленную пометку, что надо будет обязательно проветрить кабинет после этой мадам и попросить уборщицу, милейшую тётю Дусю отдраить всё тут с хлоркой.

– Рита, вы ведь не хотите, чтобы я вызвала полицию?

– Марго.

Громко лопнув пузырь от жвачки, категорично заявляет девица, но меня нисколько не трогает её напускная бравада.

– В общем, так, Маргарита Михайловна, – растянув губы в заученной улыбке, я аккуратно кладу телефон на стол, рядом со стаканчиком кофе, и сцепляю пальцы в замок.

Не смотрю на эту горе-мамашу и сосредоточиваюсь на забитом худощавом пацане лет пяти. Запущенном в педагогическом, физическом и психологическом плане. Со следами застарелых побоев и взглядом милого оленёнка Бемби.

И как же ты выжил-то, малыш, с такой непутевой мамашей и её хреновыми друзьями, а?

– Судя по всему, вы не совсем понимаете, в какой ситуации оказались.

Вопреки бушующей внутри ярости, мой голос звучит спокойно, размеренно и безразлично. Ровно настолько, что эта пародия на человека, сидящая напротив меня, давится очередным пузырем от жвачки и тарашит на меня свои блёклые глазёнки.

– Так позвольте, я вам поясню. Не далее чем вчера всю вашу честную компанию вытаскивали из какого-то притона, где вы, Маргарита Михайловна, изволили пропадать целых три дня. Оставив собственного сына одного в квартире. Без еды и воды. И, если бы не бдительные соседи, услышавшие его плач, вы бы сейчас не со мной разговаривали, а с представителями правоохранительных органов. Я достаточно понятно изъясняюсь?

– Ой, да подумаешь...

Небрежно пожимает плечами эта «Марго», и я все же перевожу на неё взгляд. И, видимо, есть что-то такое в выражении моего лица, что эта малолетка закашливается и затыкается.

– Маргарита Михайловна, нести ответственность за сына вы не можете. Думать тоже. Это явно не ваша стезя. Именно поэтому за вас давно и прочно подумало государство. И вердикт его такой, Маргарита Михайловна – сейчас органы опеки готовят иск об ограничении вас в родительских правах...

Выдав эту уничижительную тираду на одном дыхании, я привычно нажимаю на кнопку быстрого набора на телефоне и сбрасываю вызов после первого же гудка, не дожидаясь ответа.

– Вам предоставят ровно шесть месяцев на то, чтобы привести ту хрень, что вы называете жизнью в относительно нормальный вид, – сообщаю я и не обращаю ровным счётом никакого внимания на открывающуюся дверь в кабинет, продолжая гипнотизировать откровенно паршивую мамашу, неизвестно как затесавшуюся в список клиентов нашего центра.

Нет, умом я понимаю, что подобные люди – основной контингент в моей сфере специализации. Но блин...

Это какой-то прямо-таки отборный экземпляр! Не подлежащий перевоспитанию и исправлению.

– Я... Я буду жаловаться! Вы не имеет права!

До «милрой» девочки Риты постепенно добирает, что тут происходит. И теперь она, как львица, бросается на суровых тёток их опеки, за несколько секунд успевших переманить на свою сторону малыша и подкупить его неожиданно тёплыми улыбками и словами.

А я даже не утруждаю себя тем, чтобы закончить заученную до последней буквы речь. Просто откидываюсь на спинку кресла и наслаждаюсь бесплатным представлением. Вторым за день, к слову. И откровенно паршивым в холодном состоянии кофе.

Отвратительный день, да.

Впрочем, импровизированный концерт заканчивается удивительно быстро. Видимо, мозги в крашеной пергидролом башке всё-таки есть, пусть и в зачаточном состоянии.

Так что горе-мамаша, продолжая наматывать сопли на кулак, убегает следом за делегацией опеки, уводящей её «любимого» сыночка. И я, наконец-то, возвращаюсь к тому, что так сильно выбило меня из колеи.

«На вашем счёте недостаточно средств для проведения данной операции. Пожалуйста, пополните счёт или обратитесь в ближайшее отделение банка».

Упавшее на телефон смс-оповещение от банка как всегда сухо, лаконично и совершенно обезличено.

Оно бьёт под дых, как самый заправский боксёр, и вытаскивает наружу самые примитивные страхи, спрятанные в глубине подсознания. Те, о которых я так старательно забывала все эти годы. С другой стороны...

Крутнувшись в кресле, я с деланным равнодушием листаю список контактов в стареньком самсунге. На экране моего многострадального гаджета давно залегла сетка трещин, и это даже не защитное стекло. Корпус местами стёрся до безликого серого пластика, а количество глюков на квадратный сантиметр программного обеспечения приводит в экстаз знакомого технаря из квартиры напротив.

Он каждый раз настоятельно советует купить что-то из бюджетного сегмента. Но из-за ипотеки я не могу позволить себе лишние траты, а принцип «лишь бы работал» меня ещё ни разу не подводил.

Тем более, что, как оказалось, не только я имею доступ к собственному счёту.

– Удивительное рядом, правда?

Нажав на иконку нужного номера, я ещё с минуту слушаю пустые раздражающие своим однообразием гудки. А когда трубку всё же соизволяют снять, гулкий стандартный сигнал сменяют звуки пьяного веселья. После чего меня незатейливо и оптимистично посылают в эротические дали.

– Да чтоб вы там все провалились!

Рычу я и шваркаю ладонью по столешнице. Выкидываю остатки сломанного карандаша в мусорную корзину. Сдвигаю мышку, выводя рабочий ноутбук из спящего режима, и выпрямляюсь в кресле, снова отложив телефон в сторону. Пара кликов, онлайн-кабинет банка, выписка из истории операций...

И в мусорку отправляется второй по счёту сломанный карандаш, так некстати оказавшийся под рукой в компании смятого стаканчика из-под кофе.

– Дрянь! Нет, ну какая же ты дрянь, – пальцы снова сжимаются до побелевших костяшек, а в груди змеёй сворачивается ядовитая едкая ненависть. Та самая, с которой я когда-то не стеснялась ломать носы и выбивать зубы.

Та самая, что едва не привела меня на скамью подсудимых, благо нашлись действительно добрые люди, вправившие мне мозги. Конечно, сейчас я уже не бросаюсь в омут с головой и не спешу решать проблемы силой, но...

Но желание встретиться с призраками прошлого и вытрясти дерьмо из собственных родственничков становится просто нестерпимым. И в этот раз я не собираюсь себя сдерживать. В конце концов, с этой пародией на мать даже у служителей церкви не хватило бы терпения, а я на святую давно уже не тяну.

Приняв для себя решение, я методично собираю вещи, заполняю заявление на административный отпуск на пару дней и крейсером врываюсь в приемную. Жестом осекаю порывающуюся меня тормознуть секретаршу шефа и без зазрения совести вваливаюсь в его кабинет, сухо и по-деловому интересуюсь с порога:

– Станислав Евгеньевич, не уделите мне пару минут своего драгоценного времени?

Нагло нарушаю субординацию и шумно соплю. А уже в следующую секунду лечу в разверзнувшуюся под ногами бездну, потому что моё существо прожигают насквозь серо-стальные глаза мужчины, некогда разбившего меня вдребезги.

Глава 6

Артём, сейчас

– Лина, милочка, вы, что, не видите, я занят?

Хмурится Ленский, а я продолжаю рассматривать свою незнакомку, которая оказалась очень знакомой.

У Лины такая же узкая талия, как и раньше. Шикарная попка, обалденная фигура и ноги от ушей. Она до сих пор плюёт на яркий макияж и дорогие бренды. И предпочитает классическим блузкам и юбкам обычные драные джинсы и мальчишеские футболки, которые больше подошли бы подростку.

А ещё у неё на запястье красуется маленькая татуировка – витиеватое «но», которое убеждает меня в том, что я не ошибся. Поэтому я длинно выдыхаю и атакую девчонку вопросом.

– Мы не могли с вами встречаться раньше? Вы не...

– Нет. Я бы запомнила, – безапелляционно отрезает Лина и приближается к столу Ленского с какой-то бумажкой в руках.

– О, из вас получилась бы отличная актриса. Так талантливо лгать, – я не оставляю попыток вывести Василину на эмоции, но все мои усилия идут прахом, осыпаясь к ее стройным ногам.

Остановившись в полуметре от меня, Линка передает начальнику листок и скрещивает на груди руки, заранее готовясь отбиваться от его нападков.

– У меня возникли дела, не терпящие отлагательств. Будьте так добры, подпишите заявление. И примите к сведению, что я не буду отвечать на звонки вплоть до понедельника.

В её тоне ни намёка хоть на какой-то пиетет. Тихо хмыкнув, я откровенно любуюсь растерянным лицом Ленского и беззастенчиво комментирую:

– Звучит, как ультиматум. Вот уж не думал, что у вас такие... Смелые сотрудники, Станислав Евгеньевич.

Роняю неторопливо, намеренно тяну гласные и улыбаюсь шире, встречая холодный, пронзительный взгляд. Жду, что в нём как прежде вспыхнут такие знакомые искры, но нет.

Василина едва заметно ведёт плечом, делая вид, что здесь меня нет. И этот новый, незнакомый мне образ, разжигает давно потерянный интерес. Я подбираюсь, как зверь, жду, как же поступит Ленский, и морально готовлюсь сыграть новую для себя роль. Роль спасителя и защитника угнетённых.

Вот только всё опять идёт не по плану. Властный руководитель сдаётся без боя, под требовательным взглядом собственного подчиненного. Судорожно сглотнув, Ленский ставит подпись, обречённо вздыхая:

– Занесите в кадры и можете быть свободны.

– Благодарю.

Ланская покидает кабинет легко и непринужденно. А я зависаю ещё на пару секунд, провожая её слишком внимательным взглядом. И криво улыбаюсь, махнув рукой встрепенувшемуся собеседнику:

– Я на минутку, Станислав Евгеньевич. Вы же не против?

Ленский глотает слова и смиренно кивает в ответ. Это я замечаю мельком, уже выскочив следом за собственным наваждением. Призраком прошлого во плоти. И даже не удивляюсь, когда нахожу её у кофейного автомата.

Сжимая пальцами горячий стаканчик кофе, Лина жмурит глаза и дышит, медленно и глубоко. Кусает губы и снова ведёт плечом. И я не могу сдержать смешок, что так и рвётся из груди. Лгунья.

Какая же она всё-таки лгунья. Что тогда, что сейчас.

– Говорят, кофе у вас тут просто великолепный, – непринуждённо замечаю, остановившись рядом с ней и прислонившись плечом к стене. И даже не удивляюсь, когда слышу ответ.

– Так себе. Ну, если вы не фанат картона.

– И всё-таки ты меня узнала, я прав? – тихо фыркнув, меняю тему. Не вижу смысла ходить кругами и слишком сильно ценю своё время. Есть вещи и поважнее, чтоб тратить его на пустой разговор ни о чём.

– Ну, предположим, – нехотя уступает Ланская, делая осторожный глоток.

В её тоне по-прежнему ни пиетета, ни интереса. Только арктический холод и безбрежный покой, от которого я откровенно морщусь. Никогда не сох по типу «снежная королева», но тут что-то пошло не так.

Или всё дело в том, что было до?

– Не хочешь выпить чашечку кофе? – кидаю я откровенный намёк, но в ответ слышу лишь тихий смех. Мягкий, ласковый и даже нежный. Такой, что настроение тут же падает вниз и я сжимаю кулак, про себя чертыхаясь.

Всё ещё задевает. Всё ещё цепляет меня изнутри. Чёртова ведьма, что тогда, что сейчас заводит с нуля без труда и особых проблем.

– Удивительно, – Василина тянет уголки губ, обозначая улыбку. – Сколько лет прошло, а они всё ещё неизменны.

– Кто?

– Артём Холодов и его подкаты. Вот только есть одна небольшая проблема, залпом допив порядком остывший напиток, Линка сминает пустой стаканчик и с силой кидает его в мусорку. Бросив на меня равнодушный взгляд, она едва слышно цокает языком. – Мне уже давно не восемнадцать. И я на ТАКОЕ больше не поведусь. Так что оставь это для кого-нибудь помоложе. Желательно без мозгов. Такой типаж тебе как-то больше подходит.

Наверное, было глупо думать, что Лина примет меня с распростёртыми объятиями после того, что у нас было. Но я все равно пру напролом.

– Я изменился, Лин. Хочешь – проверь. Давай сходим на свидание.

– Свидание? Да я бы не пошла с тобой никуда, даже если бы ты остался последним мужчиной на земле. Люди не меняются, Холодов. Тем более, такие, как ты.

Фыркает Василина и, круто развернувшись, удаляется. Я же кручу в мозгу одну сумасшедшую идею, которая кажется мне все более привлекательной по мере того, как я приближаюсь к кабинету Ленского.

– Простите, Артём Сергеевич. Так на чём нас прервали? – уточняет Станислав Евгеньевич, старательно натирая очки.

– На том, что у меня замечательная дочь. И её развитие полностью соответствует возрасту, – любезно подсказываю я и шурюсь, замечая, как Ленский начинает нервно ёрзать в кресле.

– Если вы подпишите договор, мы постараемся...

– Я подпишу договор только, если моим ребенком займётся Василина Алексеевна, – чеканю я твёрдо, и от меня не укрывается неудовольствие, проскальзывающее по лицу эскулапа.

– В нашем центре достаточно гораздо более опытных специалистов. В конце концов, я могу сам...

– Нет. Я остановлю выбор на вашей клинике, если за моей дочерью будет закреплена Василина Алексеевна.

Обрываю я Ленского на полуслове и не сомневаюсь, что он прогнётся. Расценки у них в центре будь здоров, так что вряд ли он захочет терять денежного клиента.

– Что ж, Артём Сергеевич. Я, конечно, уважаю ваш выбор. Василина Алексеевна, несмотря на богатый стаж, не сталкивалась с подобными случаями. Это вообще не её профиль, если быть честным. Так что мы не можем гарантировать...

– Это я уже понял. Гарантии мне не даст ни она, ни вы, ни сам Господь Бог. Готовьте бумаги, я привезу Еву в понедельник.

Распоряжаюсь я жёстко и сам до конца не понимаю, почему настаиваю на кандидатуре Ланской. Может, ищу повод, чтобы чаще с ней контактировать. А, может, доверяю ей чуть больше, чем всем этим прилизанным докторишкам.

По крайней мере, она не будет вести себя отстранённо. Будет психованной, импульсивной, вспыльчивой. В общем, какой угодно. Только не равнодушной.

Уладив формальности и поставив свою закорючку на многостраничном контракте с кучей приложений, я спускаюсь вниз и выхожу на улицу, делая глубокий вдох. Раскалённый воздух врывается в лёгкие, обжигает и сушит и без того обветренные губы.

Конец мая выдался жарким и каким-то выматывающим. Дождей не было почти месяц, на зелёных листьях осела серая пыль. И я бы не отказался от сильного ливня, который смыл бы с меня апатию и усталость.

– Мне, пожалуйста, девять алых роз. На длинной ножке. Вот этих да.

Подождав, пока вежливая девушка с бейджиком, на котором значится «Настя», перевяжет цветы лентой, я прикладываю карту к терминалу. После чего заезжаю в магазин детских игрушек и только потомдвигаюсь домой.

Поднимаюсь на лифте на двадцатый этаж, прижимая к себе плюшевого медведя, и вваливаюсь в коридор, бросая на тумбочку связку ключей.

На шум тут же выскальзывает Лена, моя любовница, и обвивает руками мою шею. Оставляет смачный поцелуй на губах и приходит в восторг от пошлого, в общем-то, букета.

– Это мне? Спасибо, Артём!

С Корольковой мы встречаемся около полугода, и она устраивает меня по всем параметрам. Длинноногая жгучая брюнетка с ярко-зелеными глазами она притягивает всеобщее внимание и знает, как себя подать.

Идеальная укладка. Безупречный маникюр. Яркий макияж. И любовь к детям.

По крайней мере, с тех пор, как она ко мне переехала, она пытается найти общий язык с Евой. И мне совершенно точно не в чем ее винить, раз уж у меня самого это не получается.

– Здравствуйте, Артём Сергеевич. Еву я покормила. Ужин на плите.

Следом за Леной в прихожей появляется наша няня и по совместительству кухарка Александра Ивановна. Она возится с Евой и готовит. Уборкой же занимается клининговая служба, которую мы приглашаем по необходимости.

Я не вижу смысла вешать эти обязанности на Лену, тем более что та начинает раскручивать свой бьюти-блог и обучается на каких-то курсах.

В финансах я не ограничен. Так что могу себе позволить.

– Спасибо, Александра Ивановна. До свидания.

Прощаюсь я с няней и направляюсь в детскую, пока Лена убегает ставить розы в вазу. Прохожусь костяшками пальцев по дверному косяку, конечно, не дожидаясь никакого ответа и проскальзываю внутрь.

Приближаюсь к Еве осторожно и застываю в полуметре.

Секунда. Другая. Третья.

Она меня не замечает, раскладывая фигурки на магнитной доске. И меня по обыкновению захлестывает мощнейшим чувством досады.

Когда от меня ушла Евина мать, самой Еве не было еще и трёх лет. И я не знал, что мне делать с этой крохой. Менял нянь одну за другой и не преуспел в налаживании мостов с собственным ребёнком.

Я абсолютно точно не был готов тогда к отцовству. И все чаще думаю, что не созрел для него до сих пор.

– Малыш, держи. Это тебе.

Выныривая из омута безрадостных мыслей, я невесомо дотрагиваюсь до Евиного плеча и протягиваю ей мишку. На что получаю лишь снисходительный кивок.

Вся её комната завалена игрушками. Плюшевыми медведями, розовыми зайцами, единорогами и куклами. Наверное, так я пытаюсь загладить свою вину перед дочерью, только это не сильно спасает ситуацию.

Между нами всё так же простирается пропасть.

– Малыш, я нашел новую клинику. И отличного врача. Она тебе понравится, правда.

Говорю дочери негромко и ухожу из её комнаты, в очередной раз убеждаясь, что я – паршивый отец.

Глава 7

Лина, сейчас

В городе стоит мерзкая духота. Заползает змеей в легкие. Мешает дышать.

Пот струится вдоль позвоночника. Футболка противно липнет к телу. А настроение болтается на отметке «ниже ноля».

Эти выходные выпили меня досуха. И теперь я, словно выжатый лимон, еле переставляю ноги и притормаживаю у кофе-бара, расположенного напротив работы.

– Мне, пожалуйста, американо.

– Сколько сахара положить?

– Сахара не надо. Спасибо.

Спустя пару минут я вцепляюсь в вожденный стаканчик трясущимися пальцами и делаю глубокий глоток как наркоман, соскучившийся по дозе.

Бодрость возвращается медленно, маленькими крупинками. Но её хватает на то, чтобы перевести утро из разряда «паршивое» в разряд «приемлемое».

Правда, ненадолго.

Отойти от встречи с ненаглядными родственничками и хоть немного подремать перед монитором не удаётся. Как только я переступаю порог кабинета, омерзительно жизнерадостный голос секретарши вызывает меня на ковёр к начальству.

И я чертыхаюсь, пока иду по длинному коридору и пересекаю приёмную, гадая, что от меня понадобилось Ленскому в такую рань.

Обычно он предпочитает общаться со мной сугубо по телефону. И кривится каждый раз, когда мы сталкиваемся лицом к лицу.

– Доброе утро, Василина.

– Здравствуйте, Станислав Евгеньевич.

– Как отдохнула? Печеньки будешь?

Ленский доброжелательно подвигает пиалу с крекерами в мою сторону, а я выдавливаю из себя скупое «нормально» и смотрю на него настороженно.

Раньше он никогда не интересовался тем, как я провожу свое свободное время и все ли у меня в порядке. Поэтому подобная смена курса кажется лишь более подозрительной.

– Значит, так, Василина. С сегодняшнего дня откладываешь все свои дела и вплотную занимаешься дочкой Холодова. Поняла?

– Что?

Вопрос с клёкотом вырывается из моего горла и падает между нами не булыжником – гранитной глыбой. На язык как будто насыпали битого стекла.

– То. Будешь вести его дочку. Читай специальную литературу, вникай в тему. В общем, сделай всё, чтобы он остался доволен.

– Станислав Евгеньевич, при всём моем к вам уважении, дети с подобными отклонениями – не моя специализация. Вам лучше...

– Я сам знаю, что мне лучше. Сядь!

Гаркает Ленский, осекая мою попытку подняться на ноги. И в считанные секунды из покладистого сморщенного старичка превращается в матёрого тирана и деспота.

– Местом своим дорожишь?

Сбавляя тон, вкрадчиво спрашивает начальник. А я угрюмо молчу и катаю по столешнице карандаш. Ощущение патовости ситуации закрадывается в душу и заставляет конечности онеметь.

– Знаю, что дорожишь. Жилье в ипотеку. Кредит каждый месяц надо гасить. А с плохими рекомендациями от меня тебя ни в одну нормальную клинику не возьмут.

– И что вы предлагаете?

– Стиснуть зубы, засунуть свою гордость в ж... , куда подальше, в общем. И заняться этой девочкой. Подключай Валентину Федоровну. С Анютой проконсультируйся. Даю тебе полный карт-бланш.

Выдыхаю шумно, приходя в ужас от нарисованной Ленским картины, но он и вовсе решает меня добить. Снимает очки, трёт двумя пальцами переносицу и заносит топор над моей головой.

– Не справишься – вылетишь. Поняла?

– Поняла. Могу быть свободна?

Цежу сквозь зубы и, не дожидаясь ответа, выметаюсь из кабинета, не отказывая себе в удовольствии громко шваркнуть дверью.

В ушах зверски шумит. В груди клоочет едкая злоба. Но вскоре она превращается в тлеющие угольки. Они шипят и дымятся так, как будто на них вылили ведро с водой.

В конце коридора стоит Холодов с дочерью. Он бережно держит её ладошку и что-то ей нашептывает, а меня пронзает острой болью.

В другой Вселенной – той, что не случилось, он мог держать за руку нашего сына.

Первый порыв, который меня охватывает – это сбежать. Зарыться в какую-нибудь нору. Спрятать голову в песок, как страус. И притвориться, что ничего это нет.

Обязательств, которые зависли дамкловым мечом над моей шеей. Острого тянущего чувства в груди. И противного тремора, поселяющегося на кончиках пальцев.

Второй порыв, не менее сильный, чем первый – это подлететь к Артёму и встряхнуть его за грудки. Вдолбить в его дурную голову, что ничего хорошего из моего шефства над его дочкой не выйдет.

Потому что я не медицинский психолог, не дефектолог и не логопед, чёрт возьми.

И, пока я раскладываю на составляющие не свойственные мне, в общем-то, чувства и борюсь со своими желаниями, Холодов пересекает разделяющее нас расстояние и застывает в полуметре от меня.

– Здравствуй, Лина, – он говорит негромко, продолжая держать малышку за руку, а меня хватая лишь на то, чтобы выдавить скрипучее ржавое.

– Привет.

– Это Ева. Моя дочь.

– Здравствуй, Ева.

Шепчу я едва ли громче шелеста травы и опускаюсь на корточки, изучая малышку.

В чёрно-желтом спортивном костюмчике, с каштановыми вьющимися волосами длиной ниже лопаток и с тёмно-карими огромными глазницами на пол лица она представляется эдаким ярким пятном на фоне спокойных светло-бежевых стен.

Пожёвывает нервно нижнюю губу и ковыряет носком белого кроссовка пол.

С такой кукольной внешностью она легко могла попасть на обложку детского журнала, но вместо этого вынуждена слоняться по больничным учреждениям и быть подопытной мышкой для врачей.

Вот она, несправедливость жизни, во всей её, блин, красе.

– Приятно познакомиться Ева. Меня зовут Василина. Или просто Лина.

Сглотнув ком, набухающий в горле, я протягиваю девчужке ладонь и замираю. Не дергаюсь, не шевелюсь и немного боюсь, что дочь Холодова не захочет идти на контакт.

Но она легонько пожимает мои пальцы и смотрит пронзительно сквозь частокол длинных пушистых ресниц. И это, вопреки выставленным мной барьерам, воодушевляет.

– Пойдём покажу тебе свой кабинет. У меня там есть плюшевый кролик Хэппи, несколько кукол Братц и железная дорога.

На самом деле, пару игрушечных полотен трудно назвать полноценным железнодорожным полотном. Но моих слов хватает, чтобы заинтересовать Еву.

По крайней мере, в её медовых омутах загорается огонек любопытства, и она делает робкий шаг вперёд.

– А ещё у меня есть печенки.

Уточняю я для того, чтобы заполнить неловкую паузу, поднимаюсь на ноги и разворачиваюсь. Между лопаток тут же вонзается сотня раскалённых иголок.

Это Холодов метит меня своим фирменным испытующим взглядом.

И если прежняя я от такого пристального внимания обязательно растянулась бы на полу и ободрала бы коленки. То нынешняя я добирается до рабочего места без приключений.

– Оставь нас наедине, пожалуйста.

Пропустив малышку вперёд, я переступаю через порог, тормозя Холодова. Упираюсь ладонью ему в грудь и ожидаемо натываюсь на яростное сопротивление.

– Я хочу присутствовать. Видеть, как ты общаешься с Евой.

– Ты будешь мешать нам, Артём. Она будет отвлекаться. Я тоже. Я не сделаю твоей дочери ничего плохого. Дай мне спокойно заняться своей работой, пожалуйста.

Говорю я с нажимом и каменею. Минуты превращаются в вечность, серые глаза Холодова покрываются коркой льда, у меня в груди образуется айсберг.

И, когда я уже начинаю думать, что пора прощаться с клиникой и писать заявление по собственному, Артём медленно кивает и отступает, предоставляя мне свободу действий.

Гулко выдохнув, я с облегчением захлопываю дверь и поворачиваюсь к Еве. И то ли разыгрывается мое больное воображение, но мне кажется, что с уходом отца малышка тоже становится более расслабленной.

Больше не кусает губы. Не тербит край своей желто-чёрной толстовки. И с интересом рассматривает мой письменный стол с Котом-батонком с краю и грудой папок, сваленных посередине.

– Извини за беспорядок. Я не готовилась к приходу гостей.

Потрепав девочку по макушке, я торопливо перекладываю бумаги в шкаф и выуживаю из нижнего ящика раскраску. Усаживаю Еву к себе на колени, не встречая отторжения, и вручаю ей упаковку фломастеров.

– Поможешь мне закончить с русалочкой?

Тыкаю в пока что бесцветное изображение Ариэль и получаю короткий утвердительный кивок.

– Если тебе будет некомфортно или что-то не понравится, дай мне знать, ладно?

Я прошу дочку Холодова осторожно и, получив еще один кивок, обмякаю. И, хоть я клятвенно обещаю себе не привязываться к маленькой пациентке, я ощущаю, как неумолимо проваливаюсь в опасную трясиину.

Похороненный когда-то материнский инстинкт царапает что-то под ребрами и оживает, словно птица-феникс из кучки пепла, как бы я ни пыталась затолкать его обратно.

Моя ладонь машинально касается живота. Пальцы чуть дрожат, а где-то на подкорке всплывают разрозненные, слишком живые воспоминания. И я тяну губы в лёгкой печальной улыбке и невольно вспоминаю бессмертные слова одного книжного героя.

«После стольких лет? Всегда».

Эта строчка как девиз, как клеймо чёрной лентой букв по ребрам прямо под сердцем. И может быть правильно будет забыть, вычеркнуть всё, что было в прошлом, но...

В эту секунду, когда я взвешиваю все «за» и «против» на воображаемой чаше весов, маленькая ладошка касается моей щеки, и я вздрагиваю, возвращаясь в суровую действительность.

Горло давят проглоченные когда-то слова. Душат. Режут острыми гранями. Так реально, что проходит пара секунд прежде, чем я вспоминаю, кто я и где. Трясу головой, отгоняя тяжёлые мысли, и с трудом фокусирую взгляд на том, что происходит здесь и сейчас.

На чужом ребёнке, что смотрит на меня со странной смесью интереса и страха. А ещё – обречённости.

И это неожиданно бьёт под дых куда сильнее, чем встреча с бывшим столько лет спустя. Намного, намного сильнее.

– Прости, милая, – я сжимаю пальцы в кулак и непроизвольно вытираю влажные уголки глаз.

Глубоко вздыхаю и медленно отпускаю внезапно настигшие меня флэшбеки. В сотый раз напоминаю себе, что прошлое уже не исправить, и машинально глажу придвинувшуюся ко мне чуть ближе малышку.

Ева молчит. Разбирает меня на запчасти своими большими глазами, и я ловлю себя на том, что меня коробит этот прямой взгляд. Взгляд взрослого человека на детском невинном лице.

Девчушка вертит в руках открытый фломастер, и я замечаю, что выбранный чёрный цвет так и кричит о том, что у ребёнка проблемы.

Даже с точки зрения абсолютного дилетанта, коим я и являюсь.

Я не психолог. Не детский так точно. Но даже я понимаю – так быть не должно. Не могут дети видеть мир в чёрно-белом свете. Особенно любимые, желанные дети.

Холодов ведь любит свою дочь?

Вопросы множатся в голове, но я не хочу задавать их здесь и сейчас. Не хочу обвинять его и делать поспешные выводы. Поэтому снова глубоко вдыхаю и мягко, ласково говорю:

– Почему этот цвет?

Пальцы ловко вытягивают из детских рук пресловутый фломастер. Отбрасывают его куда-то назад, а я двигаюсь ближе к столу и вожу кончиком пальца по закрашенному телу русалочки. Штрихи крупные, гладкие. Лежат ровно и уверенно, говоря о том, что моя маленькая подопечная не сомневалась.

И это чуточку пугает. Сознательный выбор, без каких-либо колебаний.

Ева не знает, какие мысли бродят в моей голове. Ей не ведома логика взрослых и их тревога обо всем на свете. Она едва заметно жмёт плечиками и щипает себя за рукав ветровки. А после снова смотрит на меня своими огромными, беспечно-спокойными глазами, и я вдруг тихо смеюсь.

Эта девочка...

Она нереальна. Она рушит мои надуманные предположения, разбивает вдребезги теории и домыслы, что я успеваю построить за этот короткий срок. И невинно, непосредственно, как и подобает ребёнку, намекает на то, о чём не догадается глупый взрослый человек.

Будь у меня хоть три высших образования, я бы никогда не подумала о том, что русалочке может быть холодно. Просто холодно и всё. Вот ей и нарисовали кофту такого же цвета, что и на моей маленькой пациентке. Только и всего, а я...

Привыкнув мыслить стереотипно, я невольно теряюсь на пару секунд. Смеюсь, неловко и смущённо. А потом вдруг утыкаюсь носом в макушку малышки и ловлю себя на горьком чувстве зависти, оседающем где-то глубоко в душе.

Интересно, Холодов хоть знает, как же ему повезло?

Глава 8

Артём, сейчас

«Ты будешь мешать нам, Артём».

Брошенные Василиной слова снова прокручиваются в мозгу и ржавым гвоздем корябают по рёбрам. Я до сих пор держусь за ручку захлопнувшейся перед моим носом двери и никак не могу принять решение.

Что делать? Наплевать на Линину просьбу и ворваться в кабинет, чтобы лично проконтролировать процесс? Или все же довериться девушке, которую я не видел хренову тучу лет, и понадеяться на то, что она сумеет сделать то, чего не добились известные светила?

– Доверие, Холодов. Доверие.

Я повторяю себе под нос и титаническим усилием отрываю ладонь от металла.

Мне не нравится это признавать, но Ланская права. Если я буду давить на девчонок своим присутствием, ничего хорошего из этой затеи не выйдет.

Так что я заталкиваю поглубже свои маниакальные замашки и выкатываюсь на улицу. Хватаю ртом раскалённый воздух и шагаю к лавочке под раскидистым пыльным клёном.

Проведя кончиками пальцев по буквам «А+М», вырезанным на древесине, я опускаюсь на скамейку и ненадолго прикрываю веки. Чтобы чуть позже недовольно мотнуть головой от звука телефонного звонка, спугнувшего долгожданный дзен.

– Котик, привет, – беспечно щебечет Леночка и заставляет меня вспомнить о том, что за пределами территории клиники у кого-то есть другая жизнь.

Весёлая. Беззаботная. Без заморочек, проблем и неутешительных диагнозов.

И это по какой-то причине бесит. Хоть Королькова и не виновата в моём паршивом настроении.

– Привет, – я отвечаю негромко и стараюсь звучать обходительно, сжимая свободной рукой виски.

– Я надеюсь, ты не строил на вечер никаких планов? Оляка празднует день рождения в «Анхе». Можно я...

– Иди, Лен.

– Ты не обидишься?

– Нет, конечно. Ты свободная женщина, а не моя собственность.

Коротко выдохнув, я отмахиваюсь от любовницы, игнорируя её визгливое «спасибо», и ощущаю, как усиливается жуткая мигрень. До боли знакомое название клуба ворошит истёртое прошлое и почему-то цепляет до глубины души.

Тогда у нас ничего не могло получиться с Линой. Я был слишком беспечным и легкомысленным. Не способным нести ответственность. Последнее в чём я нуждался в то время – это семья и ребёнок.

Видимо, за мои неблагоприятные поступки карма и догнала меня бумерангом. Брак оказался иллюзией. Жена сбежала. А на руках у меня осталась малышка, которая требовала ухода и постоянного внимания.

Я думаю об этом, пока сижу на ледяной лавке. Промерзаю до самых костей и возвращаюсь в здание клиники, чтобы опуститься на диванчик в просторном фойе.

Здесь тихо и безлюдно. Только молоденькая девчонка-администратор бесшумно снуёт за стойкой ресепшена и совсем не отвлекает меня от проверки почты.

Я открываю письма одно за другим. Отправляю всякий хлам в корзину «спам». И дёргаюсь, когда маленькая ладошка с силой хлопает меня по плечу.

– Ауч!

– Нужно поговорить, – твёрдо заявляет Василина, но я перебиваю её и жестко смотрю в район переносицы.

– Где Ева?

– Твоя дочка с Валентиной Федоровной. Это наш лучший специалист по подобным случаям, – без тени паники чеканит Ланская и спокойно встречает мой хмурый взгляд. – Уделишь мне пару минут?

– Окей. Есть тут у вас где перекусить?

– Да. Кафе для сотрудников. Пойдём.

Командует Лина, и я устремляюсь за ней, изучая округлые соблазнительные бёдра. Она шагает пружинисто и рвано, как какой-то подросток, а не взрослая женщина, уверенная в собственной привлекательности.

Но я всё равно на ней залипаю. Сказывается то ли сила привычки, то ли тот факт, что она больше не млеет в моём присутствии и не растекается подтаявшим мороженым.

– Мне, пожалуйста, салат с капустой и морс.

– А ещё два борща, две порции макарон по-флотски, котлету, кофе и десерт.

– Артём...

– Я заплачу.

Я останавливаю её жестом и вытаскиваю бумажник, фиксируя, как недовольно хмурится Василина. Любая другая обрадовалась бы моему джентльменскому порыву, а эта почему-то цепляется за свою независимость, как за драгоценный Андреевский флаг.

– Я не буду.

Лина пытается отказаться, когда мы усаживаемся друг напротив друга и я подталкиваю в её сторону тарелки. На что я лишь качаю головой.

– Ешь. Тебя ветром скоро сдувать начнёт, если продолжишь так питаться.

Ненадолго между нами простирается вязкая тишина, в которой мне неуютно, а потом Ланская прибывает меня к стулу вопросом.

– Артём, что у вас происходит в семье?

– В смысле? – я обжигаюсь невкусным кофе и отставляю стаканчик, пристально рассматривая собеседницу.

– Какая царит атмосфера? Еве комфортно?

– Нормальная атмосфера. Почему моей дочери должно быть плохо дома? С ней каждый день занимается няня. Александра Ивановна – опытный педагог. Один из лучших, – я моментально ошетиливаюсь и выпускаю колючки, не понимая, к чему ведет Лина.

– А мать?

– Не имеет к нам никакого отношения. Разве что строчка в свидетельстве о рождении.

– Мачеха?

– У меня есть невеста, – выдавливаю я из себя после непродолжительной паузы и отчего-то испытываю неловкость. – Лена прекрасно ладит с Евой.

– Да?

Ланская фыркает так саркастично, как будто я только что сказал самую большую глупость на свете, и принимается ковыряться в салате. А меня бесит эта её непогрешимость, с которой она обесценивает мои слова.

– Да. У тебя есть основания считать иначе?

– Есть. Твоя дочка вздрагивает от малейшего шума. Странно реагирует на телефонные звонки. Так что у меня вагон оснований считать, что дома у тебя всё далеко не так радужно, как ты рисуешь.

Запальчиво тараторит Василина, как будто швыряет в меня отравленные дробинки, и без-ошибочно цепляет струны души, требующие доказать ей, что она не права.

Ничем иным, кроме как её излишней бравадой, я не могу объяснить то предложение, которое срывается с моих губ.

– Тогда я приглашаю тебя в гости. Сможешь убедиться в том, что у НАС все в полном порядке.

На пару мгновений Лина мешкается. Трет большим пальцем указательный и разрывает несчастную салфетку на многочисленные клочки. Как будто подыскивает благовидный предлог отказаться.

Но мне почему-то важно заставить её переменить мнение.

– Или боишься?

– Я?

– Ты. Ты. Струсил, так и скажи.

– Хорошо. Давай съездим.

Сцепив зубы, соглашается Ланская. Молчит, пока мы забираем Еву у их хваленой Валентины Федоровны. Молчит, пока мы втроём минуем бесконечные коридоры и выскальзываем на парковку.

И отмирает только тогда, когда я распахиваю перед ней дверь.

– Спасибо.

Благодарит она меня, только из её уст это больше звучит, как отборное ругательство.

Проверив Евин ремень безопасности, я устраиваюсь на водительском сидении и включаю обогрев. Врубаю радио, чтобы хоть чем-то забить эфир, и размышляю о том, что творю лютую дичь.

Манипулирую Василиной, которая ведётся на мои ухищрения, как в старые добрые времена, и планирую познакомить её с невестой. Чтобы что?

Доказать, что Лена достойная женщина, а я не тот повеса, что раньше. Наверное.

– Добро пожаловать в наши хоромы.

Отперев замок, я склоняюсь перед Ланской в шутовском поклоне и первым делом веду её в детскую. Выжидаю, пока она прошлепает босыми ногами к огромной полке с куклами и книгами, и выдаю торжествующее.

– Ева ни в чём не нуждается, видишь?

– Ты ошибаешься, Холодов.

– Ошибаюсь?

– Да. Как часто ты приезжаешь домой на обед, если не брать в расчёт ваши визиты в клиники? Как часто ты читаешь ей сказки на ночь? Когда ты в последний раз брал выходной, чтобы провести его с дочерью на природе? Или в парке аттракционов? Или в кинотеатре?

Её вопросы просты и логичны. Они бьют наотмашь, попадают прямо в цель, и на пару секунд я осекаюсь, глядя на неё как на восьмое чудо света.

А потом вспыхиваю, словно спичка от злости и ядовито бросаю в ответ.

– А ты, как я погляжу, эксперт в семейных отношениях? С каких это пор?

Я смотрю на неё с вызовом, горделиво вздернув подбородок. Чувствую себя упрямым глупым мальчишкой, но не могу остановиться или перестать провоцировать Ланскую.

Я просто хочу.

Совершенно по-детски, глупо задеть её за живое. Увидеть на слишком серьёзном лице привычную растерянность и даже обиду. И так увлекаюсь, что забываю напрочь о цели нашего приезда.

– Верно, Холодов, – чуть помолчав, тихо хмыкает Линка.

Скрестив руки на груди, она меряет меня почти равнодушным взглядом. И тем самым, ненавистным мне менторским тоном продолжает.

– Не МНЕ говорить о семейных ценностях, отношениях и родительской любви. Но может быть, именно поэтому я понимаю, что все это, – лёгкий кивок головы на забитую игруш-

ками комнату. – Полная хрень. Ты откупаешься от собственного ребёнка, закрываешь глаза на собственную неспособность найти на него время и силы и честно веришь, что этого хватит? Самому-то не смешно, нет?

Мои кулаки сжимаются против воли, и я давлю рвущиеся с языка ругательства. А ещё ловлю нехилое чувство дежавю, потому что в этом вся она – Василина Ланская.

Упёртая, непрошибаемая и способная вывести меня на эмоции по щелчку своих тонких пальцев. И если раньше я ещё мог как-то на неё повлиять, то теперь...

Кажется, теперь всё будет совсем по-другому. Даже если у нас чисто деловые отношения.

– У моего ребёнка всё хорошо. Я забочусь о ней и моя, – тут я спотыкаюсь, пытаюсь с лету подобрать подходящее слово, и сквозь зубы продолжаю стоять на своём. – Невеста чудесно ладит с Евой. Так что по-прежнему не понимаю, с чего у тебя такие странные мысли на наш счёт. Признайся, Ланская, ты просто завидуешь, потому что у нас не срослось?

Ляпаю я наобум и даже не удивляюсь, когда в ответ меня поливают презрительным взглядом. Холодным, липким и полным невысказанного прямого посыла.

Будь её воля, Линка и фак показала бы, наплевав на договор и прочую чепуху. Но вместо этого она делает глубокий вздох и устало трёт переносицу.

После чего снова вздыхает и поднимает руки вверх.

– Хорошо, Холодов. Я сделаю вид, что поверила во всю эту чушь и в то, что у твоей дочери **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** всё в полном порядке. Только чем ты тогда объяснишь то, что с ней происходит?

– Да мля, если бы я знал, на кой чёрт я бы таскал её по врачам?!

Я выпаливаю злобно. С силой впечатываю кулак в стену. И застываю, ловя на себе испуганный взгляд собственного ребёнка.

Ева выглядывает из-за угла, вцепившись в дверной косяк побелевшими от напряжения пальцами. Она чуть дрожит, но продолжает молчать. И только где-то там, в глубине её глаз, я впервые вижу то, о чём говорит Ланская.

Я вижу страх. И он оседает горечью на языке и становится колом в груди. Сердце сбивается с ритма, а внутренности обжигает неприятное чувство сомнения. Потому что я всё ещё не хочу верить в то, что Лина права. Но...

– Всё хорошо, малышка, – мягко тянет Ланская, сокращая разделяющее их расстояние, и опускается на колени перед моей дочерью.

Осторожно касается кончиками пальцев мягких волос и невесомо гладит Еву по голове.

– Мы с твоим папой просто играем. Никто ни на кого не злиться. Никто не ссорится. Всё хорошо, правда, ведь?

Я не сразу, но понимаю, что этот вопрос уже адресован мне. И невольно восхищаюсь тем, как нежный ласковый тон сменяется стальным уверенным приказом.

Лина смотрит на меня требовательно и холодно, заставляя передёрнуть плечами, но согласно кивнуть головой.

– Да, малыш, всё хорошо. Ты что-то хотела?

Сглотнув неприятный ком, я тяну неловкую улыбку. Чувствуя себя неуютно под прицелом чужого внимания. Но Ева уже привычно молчит в ответ и только смотрит взволнованно то на меня, то на Лину.

Потоптавшись немного на месте, она отлипает от косяка и делает неуверенный шаг вперёд. Распахивает руки, поднимает пристальный взгляд и без слов требует покрепче её обнять. И я уже наклоняюсь вперёд, чтобы ответить на этот полный нужды порыв, как вдруг осекаюсь на середине движения.

Потому что моя маленькая слишком серьёзная дочь требует этого не от меня. Она неотрывно, внимательно и с затаённой надеждой смотрит на ничуть не удивлённую Василину. И в этот самый момент я вдруг ловлю себя на том, что действительно, начинаю сомневаться.

Сомневаться в том, что у меня в семье всё так идеально, как я пытаюсь нарисовать.

Глава 9

Артём, сейчас

Это открытие повергает меня если не в шок, то в приличный такой ступор. Я пялюсь на Василину с Евой, как баран на новые ворота, и не понимаю, почему моя дочь так легко подпускает к себе практически чужого человека.

Особенно когда я пытаюсь пробиться к ней сквозь стену отчуждения.

Становится неприятно. Невидимая когтистая лапа полощет по грудку и заставляет прервать воцарившуюся ненадолго идиллию.

– Ну что, Ланская, убедилась, что Еве в этом доме ничего не угрожает? Она одета, обута, накормлена, – я высекаю грубее, чем того требует ситуация, но Лина не теряется, парируя.

– И совершенно лишена нормального отцовского внимания.

– Окей. Я принял информацию к сведению. Обмозгую.

Выдавливаю из себя вопреки желанию продолжить бесполезный спор и прячу руки в карманы. Ланская никак не реагирует на мое обещание и выпрямляется, разрывая их с Евой контакт.

Смотрит долго-долго, как будто пытается пробраться под кожу, и делает шаг к двери.

– Жду вас завтра в центре. В десять.

Чеканит она прохладно и выскальзывает на лестничную площадку. Я же пялюсь какое-то время в никуда и краем глаза фиксирую движение. Развернувшись, Ева уходит в свою комнату.

Не тянется ко мне. Не стремится обнять. И это в тысячный раз заставляет меня ощутить себя паршивым отцом.

На каком-то повороте моя жизнь определенно свернула не туда. И мне абсолютно точно пора что-то менять. Только вот что?

Заглянув к дочке и убедившись, что она возится с развивайкой, я забуриваюсь в душ. Встаю под ледяные струи, чтобы вернуть остатки здравомыслия, и кручу так и эдак Василинины слова.

Она разделала меня, словно несмышленного школьника. Ткнула носом в мои косяки. И гордо удалилась, как грёбанная королева.

Откуда в ней столько гонора императрицы с ее-то зарплатой и должностью? Деньги она зашибает не бог весть какие, выплачивает кредиты. Я уточнял.

Катаю эти мысли в воспаленной башке, которая с каждой минутой пухнет всё больше, и попутно звоню нашей няне.

– Добрый день, Александра Ивановна. Завтра утром мы с Евой поедem в клинику, так что вы можете прийти после обеда.

– Здравствуйте, Артём Сергеевич. Тут такое дело. Я хочу взять расчёт.

– Как так?

– Переезжаем. Внучке поставили хронический тонзиллит. Нужен срочно другой климат. Вы меня простите, пожалуйста, что так внезапно. Но в Лазаревской домик хороший подвернулся, дети покупают. Задержаться не могу. Но я обязательно кого-нибудь вам порекомендую, – рассыпается в извинениях женщина, а я впаиваю пальцы в виски и не представляю, как Ева будет привыкать к новому человеку.

С её-то проблемами с доверием.

– Спасибо за всё, Александра Ивановна. Нам будет вас не хватать.

Вытаскиваю из себя дежурные фразы и суховаато прощаюсь. Оседаю задницей на стул в кухне и выпадаю из реальности до тех пор, пока в замочной скважине не начинает скрежетать ключ.

Встречать никого не иду. Лена сама вваливается в комнату и прислоняется к косяку. Пьяненькая, с разметавшимися по плечам волосами, с размазанной помадой она выглядит настолько довольной и беспечной, что я морщусь.

И я ей, блин, завидую. Тому, что она не обременена никакими обязательствами. Не должна мотаться по больничкам и тратить прорву часов на общение с врачами.

Она проживает свою жизнь как хочет. Прожигает её. Кутит.

А я кошусь на нее сквозь частокол из ресниц и невольно сравниваю с Линой. Ланская бы первым делом заглянула к ребенку. Лена – нет.

– Как погуляли?

– Ой, Тём, отлично! Танцевали до упаду. Катались на лимузине. Пили шампанское.

Делится восторгами любовница и пересекает разделяющее нас расстояние, мостясь ко мне на колени. Игриво кусает губы, проезжается ноготками по моей шее и застывает, передавая инициативу мне.

Я же её огорошиваю.

– Лен, Александра Ивановна с завтрашнего дня увольняется.

– Какая жалость.

– Так что тебе придется больше времени проводить с Евой, пока мы не подыщем замену.

Пауза между нами повисает оглушительная. Лена недоумённо моргает, переваривая новые вводные, и хмурится. Ненадолго. Буквально на доли секунды. Но мне их хватает, чтобы считать тщательно замаскированное неудовольствие.

– Я понимаю, у тебя фотосеты, ролики, завтраки со стилистом.

– Все в порядке, Тём. Я перекрою график.

Слишком быстро соглашается Королькова, как будто боится, что я устрою ей скандал, и трётся носом о мою щеку. Только у меня всё равно пасмурно на душе. Оседает внутри что-то едкое и мутное.

То, что не позволяет утащить любовницу в спальню и распластать её по простыням.

Вместо этого я аккуратно ссаживаю Лену и направляюсь в детскую. Ступаю по мягкому ковру медленно, как по минному полю, торможу рядом с книжной полкой и оглаживаю корешок сказок от Шарля Перро.

Родители всё моё детство гнались за зарабатыванием денег и пропадали в офисе, и я невольно повторяю их путь.

– Хочешь, я что-нибудь тебе почитаю?

Спрашиваю вкрадчиво у дочери и открываю первые страницы, где нарисован хитрющий кот в шляпе с пером и в сапогах.

Ева, конечно же, ничего мне не отвечает, лишь неопределенно пожимает плечиками. Но я проглатываю её равнодушные реакции и очень хочу верить в то, что эта ледяная отстраненность когда-нибудь пройдет.

– Один мельник, умирая, не оставил трём сыновьям никакого наследства, кроме мельницы, осла и кота... *

Я неторопливо веду повествование и вздрагиваю, когда меня вдруг осеняет.

Что если не мучить Еву новыми няньками, а убедить Лину позаботиться о моей дочери?

Абсурдная мысль. Дурацкая идея. Но я гоняю её в голове весь оставшийся вечер и всё следующее утро. Бездумно смотрю на ковыряющуюся в тарелке с кашей дочь и пропускаю мимо ушей звонкий щебет неприлично бодрой Ленки.

– Артё-ё-ём, а поехали сегодня...

– Извини, Лен. Не могу. У меня дела, – я обрываю её на полуслове и поднимаюсь из-за стола.

Не замечаю обиженно поджатые губы Корольковой и её недовольный взгляд в сторону моей привычно молчаливой малышки. Помогаю Еве собраться и везу её в центр, собрав все возможные пробки и заторы.

Чтобы уже там, раздражённо ослабив галстук на шее, глубоко вздохнуть и про себя решить, что нет. Мне не нужна Ланская под боком. Мне и так хватает за глаза коротких встреч, выносящих мозг и выбивающих воздух из лёгких.

Но стоит мне только открыть дверь в кабинет и сделать шаг, как стальная решимость мгновенно рассыпается пеплом, и я тут же выпаливаю:

– С этого дня ты работаешь на меня, Лина. Так что готовься, вечером я заберу тебя из клиники.

От моего абсурдного в своей наглости пассажа Лина застывает на месте и пару минут глупо хлопает глазами. Пялится на меня, как на невиданного зверя, и морщит нос. А потом сухо кивает головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.